ISSN 2500-1442

Научная статья
УДК 343.11, 340.5
EDN WAIXRK
DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).645-655

ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: РЕФОРМЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИИ

Т.Е. Сушина
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
8 апреля 2026 г.

Дата принятия к публикации
26 октября 2026 г.

Дата онлайн-размещения
25 ноября 2026 г.

Ключевые слова

Судебная защита; доступ к правосудию; начальный этап уголовного судопроизводства; преступления с двойной превенцией; публичность и диспозитивность уголовного процесса; процессуальная форма

Аннотация. В статье представлены результаты исследования современного состояния уголовного судопроизводства по делам частного обвинения в России и Германии. Отмечено, что институт частного обвинения Германии изначально оказал существенное влияние на формирование основ частного обвинения в российском уголовно-процессуальном праве, после чего данные институты развивались по-разному. Между тем сегодня в уголовном процессе России и Германии прослеживается общая тенденция к отказу от уголовного преследования в порядке частного обвинения ввиду его стагнации. Высказана точка зрения о том, что сохранение российским и немецким законодателем частного обвинения как самостоятельного вида уголовного преследования обусловлено скорее данью уважения традициям, чем необходимостью. При этом снижение количества дел частного обвинения, рассмотренных судьями в России и Германии, свидетельствует о постепенной обреченности данного института как о закономерном процессе. Для создания в нашей стране реального механизма противодействия преступности, включая преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, государство во всех случаях должно участвовать в осуществлении уголовного преследования. В связи с этим автор предлагает отказаться от внесения точечных изменений в гл. 41 УПК РФ, что вновь имело место с принятием Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ, и упразднить данный институт с отнесением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ, к делам частно-публичного обвинения, а уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, — к делам публичного обвинения. Унификация процессуальных форм уголовного преследования не приведет к существенному увеличению служебной нагрузки дознавателей, следователей и прокуроров, но позволит государству разрабатывать механизмы предупреждения, предотвращения и профилактики всех преступлений против здоровья граждан. В свою очередь, эта мера предоставит потерпевшим от таких преступлений, независимо от степени тяжести причиненного вреда здоровью, равные процессуальные возможности для реализации права на участие в уголовном преследовании и обеспечит им в равной степени доступ к правосудию.

Для цитирования. Сушина Т.Е. Частное обвинение в уголовном судопроизводстве России и Германии: реформы или иллюзии / Т.Е. Сушина — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).645-655. — EDN WAIXRK // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 5. — С. 645–655.

Original article

PRIVATE PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND GERMANY: REFORMS AND ILLUSIONS

Tatyana E. Sushina
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2026 April 8

Accepted
2026 October 26

Abstract. The article presents the results of researching the current state of criminal proceedings in cases of private prosecution in Russia and Germany. It is noted that the German institute of private prosecution initially had a significant influence on the foundations of private prosecution in Russian criminal procedure law, however, the institutes have been developing differently ever since. At the same time, today both Russian and German criminal processes demonstrate a common trend for renouncing criminal private prosecution due to its stagnation. It is argued that Russian

© Сушина Т.Е., 2026

ISSN 2500-1442

Available online
2026 November 25

Keywords

Judicial protection; access to justice; initial stage of the criminal proceedings; double prevention crimes; criminal process publicity and optionality; procedural form

and German lawmakers preserve private prosecution as a separate type of criminal prosecution out of respect for traditions rather than necessity. A reduction in the number of private prosecution cases heard by Russian and German judges testifies that a gradual extinction of this institute is a natural process. In order to create in our country an effective mechanism of crime counteraction, including crimes under Part 1, Art. 115 and Part 1, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the state should participate in criminal prosecution in all cases. Due to this, the author suggests that point changes into Chapter 41 of the Criminal Procedure Coe of the Russian Federation, introduced again with the adoption of the Federal Law of Dec. 29, 2025 № 535-ФЗ, should be abandoned, and this institute should be abolished, while cases under Part 1, Art. 115 of the Criminal Code of the Russian Federation should be included in the category of private-public prosecution, and those under Part 1, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation — in the category of public prosecution. This unification of procedural forms of criminal prosecution will not result in any significant increase of workload for inquiry officers, investigators and prosecutors, but it will allow the state to develop mechanism for preventing all crimes against people's health. At the same time, this measure will give all victims of such crimes, regardless of the degree of harm to their health, equal procedural opportunities for realizing their right to participate in criminal prosecution and will provide them with an equal access to justice.

For citation. Sushina T.E. Private Prosecution in Criminal Proceedings in Russia and Germany: Reforms and Illusions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 5, pp. 645–655. (In Russian). EDN: WAIXRK. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(5).645-655.

Введение

Федеральным законом от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ[1] внесены изменения в гл. 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регулирующую производство по уголовным делам частного обвинения. Это обусловлено тем, что за последние десять лет (2016–2025 гг.) трижды изменялся перечень преступлений, отнесенных к уголовным делам частного обвинения, а также изменялась их подсудность, притом что единая правовая регламентация деятельности судьи при поступлении к нему заявления потерпевшего[2] о возбуждении уголовного дела частного обвинения отсутствовала.

В настоящее время к частному обвинению относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, подсудные, соответственно, мировому судье, судье районного суда либо судье гарнизонного военного суда. Особенность производства по таким делам заключается в том, что в силу ч. 2 ст. 20 УПК РФ они возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим (его законным представителем) заявления в суд в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, за исключением случаев, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Тем самым защита прав потерпевших по делам частного обвинения, возбужденным в порядке ч. 2 ст. 20 УПК РФ, включая право на доступ к правосудию, обеспечивается судьей. Возвращая заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения, судья предлагает потерпевшему пересоставить его с учетом требований ч. 5 и 6 ст. 318 УПК РФ. При отказе в принятии к производству заявления, не содержащего данных о привлекаемом к уголовной ответственности лице, либо поданного в отношении лица, указанного в ст. 447 УПК РФ, судья направляет его руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляет потерпевшего. После принятия заявления к своему производству судья вправе оказать содействие сторонам в собирании доказательств. При несогласии с решениями судьи потерпевший может их обжаловать в апелляционном порядке.

При возбуждении уголовных дел частного обвинения по правилам ч. 4 ст. 20 УПК РФ, равно как и при возбуждении уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, возможности судебной защиты прав потерпевшего намного шире. Они включают в себя последовательное

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 52, ч. 1. Ст. 8322.

[2] Потерпевшим по уголовным делам частного обвинения является любое лицо, в отношении которого совершены противоправные действия, содержащие признаки преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ.

сочетание деятельности судьи по рассмотрению на начальном этапе уголовного судопроизводства[3] жалоб потерпевших в порядке ст. 125 УПК РФ (при наличии таковых) и рассмотрению по существу уголовного дела, поступившего от прокурора. Потерпевший также имеет право на апелляционное обжалование решений, принятых судьей как по результатам рассмотрения его жалобы, так и по результатам судебного разбирательства в суде первой инстанции [1].

Ввиду своей несхожести частное обвинение на протяжении всего периода своего существования было и остается предметом научных дискуссий, связанных с его критикой, попытками усовершенствования, обсуждением тенденций и перспектив развития[4]. Законодатель периодически вносит незначительные изменения/дополнения в правовое регулирование производства по делам частного обвинения, что и наблюдалось в 2016–2025 гг. Несмотря на это, анализ судебной практики позволяет утверждать, что потерпевшие, которые решились стать частными обвинителями, фактически инициировали длительные и обременительные судебные процессы, которые, как правило, не закончились вынесением желаемого решения[5]. В итоге потерпевшие, ощущая свою незащищенность и беспомощность, поняли, что пребывали в иллюзии относительно того, что частное обвинение способно эффективно защитить их права. Развенчание подобной иллюзии породило у них недоверие к уголовному судопроизводству, что в целом опасно снижением в государстве авторитета уголовно-процессуальной деятельности и ее социальной влиятельности.

Стоит отметить, что частное обвинение, исключающее уголовно-процессуальную деятельность дознавателя/следователя по рассмотрению сообщения о преступлении и расследованию уголовного дела, а прокурора и судьи — по обеспечению законности начального этапа уголовного судопроизводства, равно как исключающее судебную деятельность по рассмотрению уголовно-процессуальных споров (ст. 125 УПК РФ) и подготовке уголовного дела к судебному заседанию, имеет давние исторические корни. В целях преемственности, что, безусловно, очень ценно, данный институт сохранен и сегодня. Между тем нынешние тенденции развития уголовного судопроизводства (рост транснациональной преступности и сложности противодействия этому явлению на уровне одной страны; декларативность ряда норм международного права; отход от практики Европейского суда по правам человека; внедрение в уголовное судопроизводство искусственного интеллекта и продуктов цифровых технологий и др.) [2; 3], не умаляя всей значимости уважительного отношения к прошлому, требуют не простой ротации составов преступлений из частного обвинения в другие виды уголовного преследования, и наоборот, а глубокого научного переосмысления вопроса о необходимости и целесообразности существования института частного обвинения в его привычном формате.

Анализ обозначенной проблематики будет неполным и даже ущербным без изучения генезиса частного обвинения в нашей стране и опыта Федеративной Республики Германии[6] (далее — ФРГ, Германия), как одного из ведущих европейских государств, оказавшего в свое время существенное влияние на создание концептуальных основ частного обвинения в России.

Эволюция взглядов на предмет частного обвинения в уголовном судопроизводстве России

В российском уголовно-процессуальном праве понимание роли и предназначения частного обвинения корректировалось в зависимости от переживаемого исторического периода.

[3] Под начальным этапом уголовного судопроизводства предлагается понимать часть уголовного судопроизводства, включающую рассмотрение дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа сообщения о преступлении и осуществление ими, а также прокурором, уголовного преследования в ходе предварительного расследования уголовного дела.

[4] В статье рассмотрено состояние института частного обвинения только по уголовным делам, возбужденным в порядке ч. 2 ст. 20 УПК РФ, так как именно в этой форме отсутствует начальный этап уголовного судопроизводства, что и отличает ее от уголовного преследования в порядке частно-публичного и публичного обвинения, а также в порядке частного обвинения по правилам ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

[5] Вывод сделан на основании анализа более 200 уголовных дел частного обвинения, рассмотренных судами апелляционной инстанции по жалобам потерпевших на решения судов первой инстанции (см.: СПС «КонсультантПлюс», разд. «Судебная практика»).

[6] В статье изучен опыт ФРГ до 1949 г., с 1949 по 1990 г. (существование ФРГ как суверенного государства) и после объединения ФРГ и ГДР (1990 г.). Институт частного обвинения Германской Демократической Республики (1949–1990 гг.) не рассматривался, так как имел сходство с советским институтом частного обвинения.

Нелишне вспомнить, что при частно-исковом типе уголовного процесса преступление рассматривалось как обида, нанесенная частному лицу или нескольким лицам, а не как посягательство против установленного властью порядка. Поэтому суд, князь, вече не вмешивались в состязание потерпевшего и обвиняемого, как бы наблюдая за ним со стороны, а в своем решении лишь определяли исход этого состязания.

С усилением государственной власти и появлением на Руси суда как органа правосудия (XI в.) изменились привычные взгляды на уголовные дела частного обвинения. Любое преступление, причинившее личную обиду частным интересам отдельных лиц, теперь стало оцениваться и как посягательство на общественные (государственные) интересы. Уголовные дела частного обвинения по заявлениям (жалобам, челобитным, поклепам) одних лиц против других лиц рассматривались судьей от имени государства [4]. Тем самым институт частного обвинения приобрел ярко выраженную публично-правовую природу, а его название (частное обвинение), хотя и перестало нести прежнюю смысловую нагрузку, сохранилось из-за повсеместного употребления.

По Уставу уголовного судопроизводства (1864 г.) частное обвинение допускалось наряду с публичным обвинением. К уголовным делам частного обвинения относились многочисленные проступки: оскорбление, клевета, угроза убийством или применением насилия, самоуправство, неоказание помощи родителям, самовольное пользование чужим имуществом и др. [7]

Поскольку государство позволило потерпевшим самостоятельно осуществлять уголовное преследование, фактически передав им свою обвинительную власть и предоставив достаточно широкий спектр прав, частное обвинение прочно закрепилось в дореволюционном уголовно-процессуальном праве. С учетом того, что система уголовной судебной статистики в царской России еще только зарождалась и сбором первичной информации занимались губернии, точные данные о количестве уголовных дел частного обвинения, рассмотренных в те годы судьями, отсутствуют. Имеются лишь архивные сведения по некоторым губерниям. Например, в Таврической губернии ежегодно планировалось к рассмотрению мировыми судьями 1 983 уголовных дела, в Архангельской губернии — 512 уголовных дел, большинство из которых, вне всяких сомнений, были уголовными делами частного обвинения [5].

В советское время уголовный процесс являлся своего рода проводником централизованной государственной политики в сфере уголовной юстиции, направленной на борьбу с преступностью и укрепление социалистической законности. Поэтому государство, удерживая монополию на осуществление уголовного преследования, не обременяло потерпевших несвойственной для них обвинительной деятельностью и последовательно сокращало перечень составов преступлений, относящихся к частному обвинению. Если согласно ст. 10 УПК РСФСР (1922 г.) и ст. 10 УПК РСФСР (1923 г.) частное обвинение насчитывало по шесть составов преступлений[8], то в соответствии со ст. 27 УПК РСФСР (1960 г.) к частному обвинению относилось лишь три состава преступления[9].

Сокращение института частного обвинения прослеживается и сейчас. Это происходит как за счет декриминализации некоторых составов преступлений, так и за счет перевода их в уголовные дела частно-публичного обвинения[10].

Указанная тенденция вполне отвечает современному назначению уголовного судопроизводства и ведущей роли государства в его достижении. Сохранение частного обвинения свидетельствует, с одной стороны, о том, что государство, как и ранее, поощряет активность граждан, побуждая их сообщать судье о совершенных конкретным лицом умышленных насильственных противоправных действиях против здоровья. С другой стороны, как представляется,

[7] Перечень таких проступков был закреплен в ст. 84, 103, 130–143, 145-153 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.). URL: https://www.prlib.ru/item/459970 (дата обращения: 25.02.2026).

[8] Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230 ; Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // Там же. 1923. № 7. Ст. 106.

[9] Ст. 112 («Умышленное легкое телесное повреждение или побои»), ч. 1 ст. 130 («Клевета»), 131 («Оскорбление») УК РСФСР (1960 г.) (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

[10] См., например: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ. П. 45 ст. 1; ст. 4 // СПС «КонсультантПлюс» ; О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ // Там же.

деятельность судьи по уголовным делам частного обвинения противоречит устоявшемуся в уголовно-процессуальной теории постулату о разделении уголовно-процессуальных функций, так как судья сначала принимает непосредственное участие в формировании доказательственной базы, а затем сам ее и оценивает [6].

Кроме того, принадлежность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, к частному обвинению выглядит недостаточно логичной по следующим причинам.

Во-первых, многие из них относятся к бытовым преступлениям[11]. Потерпевшими по таким делам выступают супруги, бывшие супруги, лица, состоящие в фактических брачных отношениях, престарелые родители, малолетние дети, иные родственники и лица, проживающие или вынужденные проживать совместно с лицом, проявившим агрессию в ходе конфликта или ссоры и причинившим вред их здоровью. Поскольку ч. 2 ст. 21 Конституции РФ запрещает подвергать человека насилию, совершение любого насильственного преступления обязывает органы предварительного расследования, а не самих потерпевших, решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших акты насилия, независимо от характера и тяжести наступивших последствий.

Во-вторых, в теории уголовного права преступления, отнесенные сегодня к частному обвинению, характеризуются как преступления с двойной превенцией [7]. Это требует от государства не только осуществления уголовного преследования, но и проведения комплексных профилактических мероприятий, направленных на своевременное предупреждение случаев умышленного причинения легкого вреда здоровью или побоев, чтобы избежать совершения более тяжких преступлений.

В-третьих, для квалификации деяния по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ необходимо наличие лица, подвергнутого административному наказанию за аналогичное деяние, т.е. специального субъекта преступления. Учитывая специфику преступлений с административной преюдицией [8], не совсем понятно, откуда потерпевший должен знать о привлечении своего обидчика к административной ответственности за нанесение побоев[12].

[11] Вывод сделан на основании изучения судебной практики по более чем 200 уголовным делам частного обвинения.

[12] Ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Обращаясь к трудам дореволюционных и советских авторов, можно отметить, что многие из них исследовали частное обвинение в контексте его сравнения с институтом частного обвинения ФРГ [9]. Это объяснялось тем, что частное обвинение в России было заимствовано в основном из немецкого права, поскольку Германия, следуя принципу процессуальной экономии, стала, по сути, первой страной, передавшей частным лицам свою обвинительную функцию и фактически уклонившейся от осуществления уголовного преследования по тем составам преступлений, которые не затрагивали публичные интересы [10].

Институт частного обвинения в Германии

В уголовном процессе ФРГ частное обвинение появилось еще в период существования германской общины (до IX в.), когда любое преступление рассматривалось как общественно-опасное посягательство на общинное устройство. Право на уголовное преследование в порядке частного обвинения имел каждый член общины.

Свое дальнейшее развитие элементы института частного обвинения получили в уголовном судебном Уложении германской нации (1532 г.).

Как один из видов уголовного преследования частное обвинение было окончательно закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Германской империи[13] (далее — УПК ФРГ), действующим с 1879 г. и по сей день.

До принятия УПК ФРГ долгое время обсуждалась наиболее приемлемая для немецкого права модель частного обвинения, реализуемая без участия прокурора. Итогом дискуссий стала разработка двух законопроектов. В рамках первого законопроекта предлагалось предоставить право подачи судье заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения как потерпевшим, так и любым лицам в форме так называемого общественного (субсидиарного) иска. Второй (альтернативный) законопроект наделял правом подачи частного (основного) иска исключительно потерпевших (их законных представителей). После обсуждения Рейхстаг[14]

[13] Strafprozessordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl- I, S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 8. Dezember 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 319) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html (дата обращения: 26.02.2026).

[14] Парламент в Германии.

принял решение в пользу основного иска [11]. Идея о наделении только потерпевших (их законных представителей) правом подачи заявлений судье в порядке частного обвинения и освобождения прокурора от осуществления данного вида уголовного преследования нашла закрепление и в уголовно-процессуальном законодательстве дореволюционной России.

В УПК ФРГ к частному обвинению изначально относились оскорбление и причинение легких телесных повреждений, т.е. уголовные проступки, посягающие исключительно на права и интересы частных лиц. Впоследствии сфера частного обвинения значительно расширилась за счет включения в нее не только проступков, посягающих на интересы отдельных лиц, но и преступлений против интересов коммерческих и иных организаций[15].

Учитывая отсутствие в УПК ФРГ четких критериев распределения противоправных деяний на виды уголовного преследования, можно лишь сделать вывод о том, что сегодня к частному обвинению в ФРГ относятся не только дела, происходящие из личных конфликтов близких, родственников, соседей или коллег, где достаточно трудно найти правых и виноватых, но и уголовные дела о сплетнях и клевете в отношении политических деятелей, осквернении памяти умершего, преступлениях, вытекающих из нарушений антикоррупционного законодательства, закона о конкуренции, нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности (коммерческий подкуп, нарушение закона о коммерческой тайне, недобросовестная конкуренция и др.).

Несмотря на это, наличие общих исторических корней обусловило некоторое сходство институтов частного обвинения России и Германии. Оно определяется ярко выраженным диспозитивным началом, позволяющим потерпевшим самостоятельно принимать решения о начале уголовного преследования; поощрением активности и желания потерпевших наказать лиц, причинивших им вред; оказанием судьей содействия сторонам в собирании доказательств; наличием у подсудимого права на подачу встречного заявления (взаимное обвинение); предоставлением сторонам возможности примирения, которое является безусловным основанием для прекращения производства по уголовному делу.

Вместе с тем частное обвинение в ФРГ имеет свои особенности. К примеру, оно может быть инициировано только после безуспешной попытки примирения сторон[16]. Кроме того, частный обвинитель предоставляет денежное обеспечение для покрытия издержек, которые могут возникнуть у обвиняемого, и вносит аванс для покрытия судебных расходов. Размер денежных средств, подлежащих внесению, определяется судьей по своему усмотрению. Частный обвинитель вправе рассчитывать на возмещение понесенных расходов только при постановлении судьей обвинительного приговора либо прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. В ходе рассмотрения судьей уголовного дела частного обвинения подсудимый вправе подать встречный иск, но в отличие от частного обвинителя он не обязан предоставлять обеспечение иска и вносить аванс в счет оплаты судебных издержек [12]. Если в результате совершенного противоправного действия вред причинен нескольким потерпевшим, они могут подать одно коллективное заявление о возбуждении уголовного дела.

Напротив, в России приоритетным остается право каждого потерпевшего на доступ к правосудию, независимо от результатов досудебных примирительных процедур, наличия финансовой возможности оплатить издержки, признания процессуальной экономии как основы для быстрого разрешения уголовных дел.

В последнее время в немецкой научной литературе все чаще высказываются мнения об обреченности частного обвинения, так как законодатель относится к нему весьма недружелюбно, заставляя потерпевших преодолевать серьезные препятствия и брать на себя немалые финансовые риски. Многие немецкие авторы, выступая за кардинальное реформирование частного обвинения (вплоть до его упразднe-

[15] Согласно параграфу 12 Уголовного уложения ФРГ, уголовный проступок — противоправное деяние, за которое в качестве минимального наказания предусмотрено лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф; за совершение преступлений предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (см.: «Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 11. Januar 2026 (BGBl. 2026 I Nr. 9) geändert worden ist». URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__12.html (дата обращения: 25.02.2026).

[16] Примирительные процедуры проводятся на уровне общины — низшего звена в системе органов самоуправления ФРГ.

ния), отмечают, что потерпевшие по таким делам не имеют практически никакой поддержки от государства, предоставлены сами себе и не знают, как правильно собирать доказательства и составлять заявления, какими окажутся их затраты на покрытие судебных издержек. Подавляющее число частных обвинителей испытывают разочарование по итогам судопроизводства. Они задаются справедливыми вопросами о том, почему стали жертвами частного деликта и вынуждены сами принимать меры к наказанию обидчиков, в то время как по делам публичного обвинения уголовное преследование осуществляет прокурор, получающий серьезную поддержку от органов полиции. Потерпевшие по делам частного обвинения не согласны с возложенной на них обязанностью оплачивать издержки, тогда как потерпевшие по уголовным делам публичного обвинения не несут никаких финансовых затрат [13].

Весьма неутешительные прогнозы о судьбе частного обвинения сопровождаются размещением немалым числом немецких адвокатов на своих официальных страницах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» призывов отказаться от возбуждения уголовных дел частного обвинения. Например, на сайте одной из адвокатских контор во Франкфурте-на-Майне указано следующее: «Внесем ясность: процесс по делу частного обвинения в подавляющем большинстве случаев — это потраченное впустую время и выброшенные на ветер деньги. Если даже органы прокуратуры на местном и федеральном уровнях не проявляют интереса к преследованию, то, скорее всего, заинтересованность суда в проведении разбирательства по такому правонарушению будет невысока. В связи с этим приводим общие сведения о частном обвинении исключительно в информационных целях…»[17]

Данные ежегодно публикуемой в ФРГ официальной судебной статистики свидетельствуют о сокращении числа процессов по делам частного обвинения, рассматриваемых участковыми судами, а также о сокращении процедур примирительного производства. Если в 1971 г. участковые суды рассмотрели почти 14 200 дел частного обвинения, то в 2015 г. их число упало до 519, а в 2021 г. (последняя доступная в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» отчетная дата) — до 10 дел[18]. В среднем с вынесением решения рассмотрено 16,5 % дел. Если учесть, что завершившиеся вынесением решения процессы включают дела, по которым обвиняемому вынесен оправдательный приговор, и дела, прекращенные производством, показатель обвинительных приговоров по делам частного обвинения будет еще ниже указанного значения.

Такую же незначительную роль в практике судопроизводства по делам частного обвинения играет примирение сторон (3,7 %). Рассматриваемые судом споры лишь в крайне редких случаях разрешались по обоюдному согласию сторон. Чаще всего дела частного обвинения завершались прекращением за малозначительностью или в связи со смертью частного обвинителя (52,4 %).

Продолжительность рассмотрения дел частного обвинения составляла 9,9 месяца, в то время как «обычные» уголовные процессы в участковом суде занимали не более четырех месяцев. Это объясняется частым затягиванием процедуры рассмотрения уголовного дела частного обвинения как судьями, так и сторонами [14].

Приведенные факты позволяют утверждать, что в Германии отсутствие должного внимания со стороны государства и, в первую очередь, прокурора за уголовным судопроизводством по делам частного обвинения привело к снижению процессуальных гарантий защиты прав потерпевших и как итог — к постепенному сокращению уголовных дел частного обвинения. На этом фоне некоторые немецкие авторы считают, что исчезновение уголовных дел частного обвинения из судебной практики является лишь вопросом времени.

Российская модель частного обвинения, как и немецкая модель, на нынешнем этапе развития уголовного судопроизводства не получает признания у потерпевших. Она далека от совершенства, нечувствительна к общественным ожиданиям, выпадает из сложившегося понимания назначения уголовного судопроизвод-

[17] Die strafverteidiger-frankfurt.de. URL: http://diestrafverteidiger-frankfurt.de/de/cottent/fachgebietprivatklage/-nm/32/privatklagehtml (дата обращения: 17.01.2022).

[18] Здесь и далее использованы данные судебной статистики в сфере уголовного судопроизводства за 1971–2021 гг., размещенные на официальном сайте Федерального статистического управления ФРГ. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Gerichte/strafgerichte-2100230217004.html (дата обращения: 26.02.2026).

ства, а потому, судя по реальному состоянию судебной практики, в ближайшей перспективе, скорее всего, также будет обречена.

Современное состояние института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве

Более глубокое представление о состоянии судопроизводства по делам частного обвинения в России можно получить на основе анализа данных судебной статистики за последние 20 лет (2005–2024 гг.) [19].

В 2005 г. мировыми судьями и судьями гарнизонных военных судов окончено 90 624 уголовных дела частного обвинения, доля которых в общем числе оконченных судами первой инстанции уголовных дел (1 148 222 дела) составляла 7,9 %. В 2024 г. мировыми судьями, судьями районных и гарнизонных военных судов окончено всего 3 964 уголовных дела частного обвинения, возбужденных по заявлениям, поступившим к судье непосредственно от граждан либо переданных из других органов. В абсолютном выражении доля таких дел частного обвинения среди всех дел, рассмотренных в 2024 г. судами первой инстанции (659 878 дел), составила 0,6 %, т.е. в сравнении с 2005 г. сократилась в 13 раз.

В процентном соотношении доля прекращенных производством уголовных дел остается стабильно высокой (в 2005 г. прекращено 75 % дел (68 676 дел), в 2024-м — 49,1 % дел (1 948 дел). Это указывает в том числе и на то, что потерпевшие не желают общаться с лицами, причинившими вред их здоровью, в том числе посредством судебных тяжб. Для них дела частного обвинения считаются как бы неудобными, излишними и затратными по времени. Понимая, что «овчинка не стоит выделки», они зачастую разрешают конфликт самостоятельно, а, инициировав процедуру частного обвинения, со временем устают от нее и при наличии возможности не возражают против прекращения дела.

Понимание несовершенства и даже некоторой обреченности института частного обвинения породило многочисленные дискуссии среди ученых и практиков, суть которых преимущественно сводилась к обсуждению перспектив развития данного вида уголовного судопроизводства.

При всем многообразии высказанных научных идей их можно условно разделить на две группы.

В рамках первой группы авторами обоснована необходимость упразднения института частного обвинения и перевода составов преступлений в категорию уголовных дел частно-публичного обвинения [15; 16]. Данная инициатива прорабатывалась не только научным сообществом, но и Верховным Судом РФ, но, за исключением уголовных дел о клевете[20], не получила своего развития и, как известно, была отклонена[21].

Сторонники другого подхода предлагают сохранить частное обвинение как проявление диспозитивности в уголовном судопроизводстве, упростив при этом порядок обращения потерпевших к судье и предоставив судье право давать поручения органам дознания о производстве следственных и процессуальных действий. В отдельных случаях предложено расширить перечень составов преступлений, по которым возможно судопроизводство в порядке частного обвинения. При этом конкретные критерии перевода того или иного состава преступления из публичного (частно-публичного) обвинения в частное обвинение не обозначаются даже в первом приближении. Выступая против ликвидации частного обвинения, авторы рассматривают его не только как историческое наследие, но и как вариант снижения нагрузки на правоохранительные органы, которые должны сосредоточить свои усилия на расследовании тех преступлений, которые посягают,

[19] Здесь и далее приводятся показатели судебной статистики о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2005–2024 гг., опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 26.02.2026).

[20] Федеральным законом от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уголовные дела о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета без отягчающих обстоятельств), отнесены к уголовным делам частно-публичного обвинения.

[21] Осуждению не подлежит // Российская газета. 2020. 14 окт. С. 1, 4 ; О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 6 апр. 2021 г. № 3 // Верховный Суд РФ : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/documents/own/29852 (дата обращения: 26.02.2026).

в первую очередь, на конституционный строй, общественную безопасность, социально-экономическую стабильность государства, безопасность личности [17–19].

Очевидно, что сейчас не время перегружать судопроизводство по делам частного обвинения дополнительными составами преступлений. К такому же выводу каждый раз приходили и немецкие законодатели. Например, предложение о дополнении частного обвинения ст. 201 Уголовного уложения ФРГ (нарушение конфиденциальности слова) так и не воплотилось в закон. Инициатива прокуратуры ФРГ о переводе принуждения (п. 1 и 3 ст. 240 Уголовного уложения ФРГ) из публичного в частное обвинение, поскольку принуждение тесно связано с побоями, оскорблением или угрозами в случаях соседских или иных частных споров, не получило поддержки. Прокуратура ФРГ обосновала свое предложение тем, что не желает принимать участие в рассмотрении судом соседского спора по делу публичного обвинения, в котором подсудимый не только оскорбил соседа и угрожал ему, но еще на 20 минут заблокировал ему автомобилем въезд в гараж[22].

Помимо этого, остается без ответа вопрос о том, зачем увеличивать число составов преступлений, которые предлагается вывести из-под государства, в то время как оно в целом справляется с возложенной на него миссией и сдерживает рост преступности[23].

Пока также не совсем понятно, почему, несмотря на то что объектом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, является здоровье граждан, находящееся под охраной государства, уголовное преследование по данным составам преступлений не считается отвечающим публичным интересам и возлагает на потерпевшего обязанность добиваться возбуждения уголовного дела.

Даже при отсутствии пока ответов на поставленные вопросы понятно, что частное обвинение по своей сути сегодня стало ненужным и малоэффективным производством, которое препятствует реализации права потерпевшего на судебную защиту и доступ к правосудию, усложняет уголовный процесс и искажает его предназначение. Об этом свидетельствуют: низкий уровень правовой защищенности потерпевших по делам частного обвинения; отсутствие у них реальной возможности участвовать в уголовном преследовании ввиду сложности процедур, которые они должны инициировать и проходить самостоятельно; сокращение числа процессов по делам частного обвинения.

Заключение

В нынешних изменившихся социально-политических и экономических условиях, обусловленных противодействием внешним и внутренним угрозам суверенитету страны, внедрением достижений цифровых технологий и завоеванием лидерских позиций в данном направлении, стремлением к упрощению форм и ускорению процедур уголовно-процессуальной деятельности, в рамках которой органы уголовного преследования обязаны при наличии на то поводов и оснований возбудить уголовное дело, независимо от желания потерпевшего [20], существование частного обвинения скорее выглядит иллюзией, поэтому все попытки усовершенствовать данный институт заведомо обречены на провал.

В этой связи представляется целесообразным проведение предварительного расследования по всем составам преступлений, отнеся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ, к уголовным делам частно-публичного обвинения ввиду их схожести с последними, а уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, как и все составы преступлений с административной преюдицией, — к уголовным делам публичного обвинения.

Тогда частное обвинение, в котором решение о привлечении к уголовной ответственности принимается не государством на основании объективных и единообразных критериев, а частным лицом, исходя из собственных интересов и представлений, при содействии судьи,

[22] Entwurf eines Ersten Gesetzes zur Modernisierung der Justiz. URL: https://dserver.bundestag.de/btd/15/015/1501508.pdf ; Bericht der Expertenkommission zur effektiveren und praxistauglicheren Ausgestaltung des allgemeinen Strafverfahrens und des jugendgerichtlichen Verfahrens. Bundesministerium der Justiz und für Verbrauchschutz. 2015, Oktober. S. 108–109. URL: https://www.rak-muenchen.de/fileadmin/downloads/06-Mitgliederservice/04-Mitteilungsblatt%20Newsletter/02-Newsletter/2015/11-2015/Abschlussbericht.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

[23] По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за последние 20 лет не наблюдается прироста количества зарегистрированных преступлений (см.: Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 26.02.2026).

выполняющего несвойственную ему функцию, можно будет упразднить как ненужный вид уголовного преследования.

Не стоит опасаться, что это увеличит нагрузку на органы предварительного расследования и прокуратуры. По данным статистики, сегодня общая численность дел, возбужденных в порядке ч. 2 и 4 ст. 20 УПК РФ, не превышает 1 %. Наиболее вероятный сценарий развития событий по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, предполагает вынесение решения о прекращении производства за примирением сторон[24]. Иными словами, если такие уголовные дела будут прекращаться в досудебном или судебном производстве, для потерпевшей стороны практически ничего не изменится, но государство продемонстрирует к ним более справедливое отношение.

Необходимо отметить, что если судьи без всяких проблем прекращают уголовные дела за примирением сторон, то следователи отнюдь не самостоятельны в принятии такого рода решений. Возложение на следователя ответственности за принятие решений о прекращении уголовных дел за примирением сторон и другим нереабилитирующим основаниям, усиление прокурорского надзора и судебного контроля за законностью принятых следователем решений позволят создать единый механизм защиты государством прав потерпевших, независимо от характера и степени тяжести совершенных в отношении них преступлений. В свою очередь, государство, осуществляя уголовное преследование по всем преступлениям против здоровья граждан, сможет разработать действенный механизм их предупреждения, предотвращения и профилактики.

[24] Согласно статистическим данным, более половины уголовных дел частного обвинения, поступивших к судьям с обвинительным заключением, обвинительным актом и обвинительным постановлением, прекращаются по нереабилитирующим основаниям. Например, в 2024 г. из 3 719 уголовных дел частного обвинения, расследованных на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ, прекращено 1 678 уголовных дел на 1 723 лица, из них в отношении только 11 лиц производство прекращено по реабилитирующим основаниям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буфетова М.Ш. Актуальные вопросы обжалования незаконных действий и решений должностных лиц и суда / М.Ш. Буфетова, М.П. Чобан. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.25-32. — EDN DWKOEC // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 25–32.

2. Головко Л.В. Методология доказывания в уголовном процессе: статический эффект в динамической перспективе / Л.В. Головко. — DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-2-20-32. — EDN IBJGMV // Закон. — 2025. — № 2. — С. 20–32.

3. New Qualitative Methods and Critical Research Directions in Crime, Law, and Justice: Editors' Introduction / B. Arrigo, B. Sellers, H. Copes, J. Paz. — DOI 10.1080/10511253.2022.2027484 // Journal of Criminal Justice Education. — 2022. — Vol. 33, no. 2. — P. 145–150.

4. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: История. Документы : в 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин ; отв. ред. Н.М. Золотухина. — Москва : Мысль. 2003. — Т. 1. — 701 с.

5. Латышева Н.А. Роль ведомственного статистического наблюдения в реализации положений Судебной реформы 1864 года / Н.А. Латышева. — DOI 10.18572/1812-3791-2018-11-38-41. — EDN YPETGX // Российский судья. — 2018. — № 11. — С. 38–41.

6. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В.М. Бозров. — Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2012. — 96 с. — EDN WMLXPV.

7. Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды / К.В. Ображиев, А.С Шуйский. — EDN KYWTTF // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 12. — С. 116–122.

8. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О.С. Капинус. — DOI 10.12737/jrl.2019.6.8. — EDN BIVMRG // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 78–86.

9. Резон А.К. О преступлениях, наказуемых по жалобе потерпевшего по русскому праву / А.К. Резон. — Санкт-Петербург : Изд-во Журн. гражд. и уголов. права, 1882. — 264 с.

10. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. / И.Г. Щегловитов. — Петроград : Т-во И.Д. Сытина, 1915. — 70 с.

11. Tillmann Bartsch. Bericht über Moribunden: Das Privatklageverfahren Rechtliches, Rechtstaatsächliches, Reform-und Zukunftsperspektiven — Teil 1 / Tillmann Bartsch // Zeitschrift für das juristische Studium. — 2017. — P. 40–51.

12. Dernd Heinrich. Examinatorium Strafprozessrecht - Arbeitsblatt Nr. 48. Die Privatklage / Dernd Heinrich, Tobias Reinbacher. — Baden-Baden : Nomos, 2024. — 274 p.

13. Lütz-Binder E. Rechtswirklichkeit der Privatklage und Umgestaltung Zu Einem Aussöhnungsverfahren: Untersuchung Unter Auswertung der Privatklageverfahren der Jahre 1992–2002 Aus Den Amtsgerichtsbezirken Landau/Pfalz, Neustadt/Weinstraße und Ludwigshafen/Rhein / E. Lütz-Binder. — Peter Lang, 2010. — 181 p.

14. Tillmann Bartsch. Bericht über Moribunden: Das Privatklageverfahren Rechtliches, Rechtstaatsächliches, Reform-und Zukunftsperspektiven — Teil 2 / Tillmann Bartsch // Zeitschrift für das juristische Studium. — 2017. — P. 167–173.

15. Смирнова И.Г. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин. — EDN RHRQJB // Мировой судья. — 2020. — № 2. — С. 25–28.

16. Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии / Т.В. Трубникова. — DOI 10.17223/23088451/6/11 // Уголовная юстиция. — 2015. — № 2 (6). — С. 59–62.

17. Белякова И.М. К вопросу о составах преступлений, дела о которых подлежат уголовному преследованию в частном порядке / И.М. Белякова, М.А. Михалева. — DOI 10.1555/2409-3203-2018-0-14-37-41 // Эпоха науки. — 2018. — № 14. — С. 37–41.

18. Накиб Д.В. Пути реформирования института частного обвинения в России / Д.В. Накиб. — DOI 10.25136/2409-7810.2025.1.73177. — EDN VBXHHO // Полицейская и следственная деятельность. — 2025. — № 1. — С. 16–24.

19. Цыреторов А.И. Упразднение института частного обвинения: pro et contra / А.И. Цыреторов. — DOI 10.34076/20713797_2022_6_44. — EDN JQXKXR // Российский юридический журнал. — 2022. — № 6. — С. 44–53.

20. Масленникова Л.Н. Социально-политическая роль следователя в защите прав потерпевшего от преступления / Л.Н. Масленникова. — DOI 10.18572/1812-3783-2025-12-16-20. — EDN NEHKLW // Российский следователь. — 2025. — № 12. — С. 16–20.

REFERENCES

1. Bufetova M.Sh., Choban M.P. Topical Issues of Appealing Against Illegal Actions and Decisions of Officials and Courts. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no. 1, pp. 25–32. (In Russian). EDN: DWKOEC. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.25-32.

2. Golovko L.V. Methodology of Collecting the Evidence in Criminal Procedure: Static Effect in Dynamic Perspective. *Zakon = Law*, 2025, no. 2, pp. 20–32. (In Russian). EDN: IBJGMV. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-2-20-32.

3. Arrigo B., Sellers B., Copes H., Paz J. New Qualitative Methods and Critical Research Directions in Crime, Law, and Justice: Editors' Introduction. *Journal of Criminal Justice Education*, 2022, vol. 33, no. 2, pp. 145–150. DOI: 10.1080/10511253.2022.2027484.

4. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu.; Zolotukhina N.M. (ed.). *Court Power in Russia: History. Documents.* Moscow, Mysl' Publ., 2003. Vol. 1. 701 p.

5. Latysheva N.A. The Role of the Departmental Statistical Supervision in the Implementation of Provisions of the Judicial Reform of 1864. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2018, no. 11, pp. 38–41. (In Russian). EDN: YPETGX. DOI: 10.18572/1812-3791-2018-11-38-41.

6. Bozrov V.M. *Foundations of the Theory of Criminal Procedure Functions. General Part.* Yekaterinburg, Ural State Law Academy Publ., 2012. 96 p. EDN: WMLXPV.

7. Obrazhiev K.V., Shuiskii A.S. Criminal Law Rules with Double Prevention: The Notion, the Essence and Types. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2009, no. 12, pp. 116–122. (In Russian). EDN: KYWTTF.

8. Kapinus O.S. Administrative Prejudice in Criminal Law: Problems of Theory and Practice. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2019, no. 6, pp. 78–86. (In Russian). EDN: BIVMRG. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.8.

9. Rezon A.K. *On Crimes Punishable Based on a Complaint from the Victim in Russian Law.* Saint Petersburg, Journal of Civil and Criminal Law Publ., 1882. 264 p.

10. Shcheglovitov I.G. *The Impact of Foreign Laws on the Compilation of Court Charters of Nov. 20, 1864.* Petrograd, D. Sytin Publ., 1915. 70 p.

11. Tillmann Bartsch. Bericht über Moribunden: Das Privatklageverfahren Rechtliches, Rechtstaatsächliches, Reform-und Zukunftsperspektiven – Teil 1. *Zeitschrift für das Juristische Studium*, 2017, pp. 40–51.

12. Dernd Heinrich, Tobias Reinbacher. *Examinatorium Strafprozessrecht - Arbeitsblatt Nr. 48. Die Privatklage*. Baden-Baden, Nomos, 2024. 274 p.

13. Lütz-Binder E. *Rechtswirklichkeit der Privatklage und Umgestaltung Zu Einem Aussöhnungsverfahren: Untersuchung Unter Auswertung der Privatklageverfahren der Jahre 1992–2002 Aus Den Amtsgerichtsbezirken Landau/Pfalz, Neustadt/Weinstraße und Ludwigshafen/Rhein*. Peter Lang, 2010. 181 p.

14. Tillmann Bartsch. Bericht über Moribunden: Das Privatklageverfahren Rechtliches, Rechtstaatsächliches, Reform-und Zukunftsperspektiven — Teil 2. *Zeitschrift für das Juristische Studium*, 2017, pp. 167–173.

15. Smirnova I.G., Shadrin M.Yu. On Artificiality of the Institution of Private Prosecution in Russian Criminal Proceedings. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2020, no. 2, pp. 25–28. (In Russian). EDN: RHRQJB.

16. Trubnikova T.V. Private Prosecution or a Denial of Justice. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2015, no. 2, pp. 59–62. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/6/11.

17. Belyakova I.M., Mikhaleva M.A. On the Question of the Crimes, the Cases of Which are the Subject to Consideration in the Private Order of the Criminal Prosecution. *Epokha nauki = The Era of Science*, 2018, no. 14, pp. 37–41. (In Russian). DOI: 10.1555/2409-3203-2018-0-14-37-41.

18. Nakib D.V. Ways to Reform the Institution of Private Prosecution in Russia. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activity*, 2025, no. 1, pp. 16–24. (In Russian). EDN: VBXHHO. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.1.73177.

19. Tsyretorov A.I. Abolition of the Private Prosecution Institution: Pro Et Contra. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2022, no. 6, pp. 44–53. (In Russian). EDN: JQXKXR. DOI: 10.34076/20713797_2022_6_44.

20. Maslennikova L.N. The Socio-Political Role of the Investigator in Protecting the Rights of Crime Victims. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2025, no. 12, pp. 16–20. (In Russian). EDN: NEHKLW. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-12-16-20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сушина Татьяна Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, suschin2011@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-7547-5164, СПИН-код: 8325-3625.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sushina, Tatyana E. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Procedure Law named after P.A. Lupinskaya, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Bld. 1, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123242, the Russian Federation, suschin2011@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-7547-5164, SPIN-Code: 8325-3625.